

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И КОНЦЕПЦИИ

Л. А. Сидорова

Школы в советской исторической науке: традиции и особенности

Аннотация: в статье рассматриваются особенности формирования и деятельности научных школ в советской исторической науке, представлена роль субъективного фактора в этом процессе. Показано, что наличие в сообществе советских историков середины XX в. двух поколений-антагонистов — историков «старой школы» и генерации «красных профессоров» — ограничило для видных дореволюционных историков возможности создания своих школ.

Ключевые слова: история, наука, школы, идеология, политика, методология, марксизм, «оттепель», Б. Д. Греков, А. Л. Сидоров.

Понятие «научной школы» прочно вошло в терминологический обиход историков. Большинство современных исследователей понимает его как объединение ученых в процессе научной деятельности, чаще неформальное, которое обладает определенным набором характерных черт. Научная школа имеет отличительные особенности в методах и подходах к изучению истории, собственное «проблемное поле» и хронологические рамки, круг источников и методики работы с ними, определяет свое место в историографической традиции, указывая на предшественников и возможных последователей.

Проблема школ в исторической науке России рассматривается в отечественной историографии преимущественно на материалах XIX – начала XX вв.¹ В перестроечные и первые постперестроечные годы советскому этапу отечественной исто-

риографии часто вообще отказывали в наличии научных школ. Это мотивировалось тем, что монополизм идей уничтожил основной критерий научной школы — своеобразие концепций, превратив «школу» из понятия в термин².

В дальнейшем стал преобладать более взвешенный подход, в рамках которого было показано, что в советский период исторической науки России продолжали существовать негласные кружки как вокруг отдельных представителей «старой школы», так и нового поколения историков-марксистов³. На их заседаниях научные единомышленники обсуждали свои изыскания в поисках оптимальных исследовательских результатов. Такие объединения (тематические группы, специальные семинары и др.) существовали у С. Н. Валка, Б. А. Романова, Е. В. Тарле, М. Н. Тихомирова, И. И. Минца, М. В. Нечкиной, А. Л. Сидорова и некоторых других историков. Им были присущи основные черты

¹ Подробнее о школах в исторической науке см.: Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990; Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М.—Брянск, 1996; Погodin С. Н. «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997; Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998; Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург—Омск, 2000; Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003; Михальченко С. И. Школы в исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Сб. ст. и материалов. Вып. 3. Брянск, 2004, и др.

² Иллерицкая Н. В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография. М., 1996. С. 170.

³ См., напр.: Неретина С. С. История с методологией истории // Вопросы философии. 1990. № 9; Осадченко Б. А. Формирование школы А. Л. Сидорова в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX веков // Мир историка. XX век. М., 2002; Отечественная история XX века: экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание в вузе. Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Зиновьевича Дробижева. М., 2004; Шенелева В. Б. Историографическая судьба нового направления // Мир историка. XX век. М., 2002; Шикло А. Е. И. Д. Ковальченко — ученый, педагог, организатор, человек // История и историки: историографический вестник. 2006. М., 2007; Markwick R. D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Palgrave, 2001 и др.

научных школ. Впоследствии подобные неформальные объединения стали складываться вокруг советских историков послевоенного поколения: В. И. Бовыкина, П. В. Волобуева, В. П. Данилова, М. Я. Гефтера, В. З. Дробижева, И. Д. Ковальченко, В. Т. Пашуто и др.

В данной статье речь пойдет о научных традициях и исследовательских принципах, которые характеризовали школы в советской исторической науке, о человеческом факторе в их развитии, о его приоритетном значении в складывании любой научной школы.

Более 100 лет назад В. М. Грибовский, автор историко-юридического труда «Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины II», справедливо заметил, что «талант создает школу, указывает новые пути, дает направление»⁴. Без лидера и разделяющих его научные взгляды последователей, без установления между ними особого типа взаимоотношений никакая школа невозможна. Школа объединяет учителя и учеников не только по линии научного поиска, но и ментально, продуцируя определенный тип научной культуры. В иерархии критериев, определяющих понятие научной школы, современные исследователи чаще всего отдают первенство «педагогическому общению как следствию отношений основателя школы и его учеников»⁵.

Специфика истории как общественной науки обусловила не только потребность в схожести научных взглядов историков, сплавляемых одной школой. Она предполагает совпадение мировоззренческих основ у ее участников. Попутно заметим, что довольно распространенное в современной науке объяснение мотивов включения «политико-идеологического единства» в число признаков школы исключительно «требованием времени», подразумевая специфические условия развития советской исторической науки⁶, оставляет без внимания неразрывную связь исторической науки с жизнью общества.

Вместе с тем, именно это обстоятельство во многом стало причиной того, что ряд советских историков поколения «старой профессуры», являясь признанными авторитетами в своей области,

работая со студентами и аспирантами, не создали собственной школы.

Неодолимым препятствием стало нарушение нормальных взаимоотношений между двумя поколениями историков-ученых «старой школы» и молодыми «красными профессорами». Их миры сосуществовали, но взаимодействие, и личностное, и научное, было ограничено идеологией. Этому прямо способствовала политика открытого поощрения и провоцирования столкновения поколений историков в период нахождения у руководства исторической наукой М. Н. Покровского, помноженная на изоляционистские настроения представителей так называемой «буржуазной профессуры» и революционную непримиримость историков-марксистов.

Провозглашенный в Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» отказ от социологизирования и переход к изучению гражданской истории, преодоление нигилистического отношения к ее, прежде всего, дореволюционному этапу, реабилитация русской историографии⁷ снизили накал противостояния поколений-антиподов. Но переход конфликта в последующие годы в латентное состояние уже не мог изменить существа проблемы. Два первых поколения советских историков были обречены на взаимное недоверие.

Эти настроения достаточно точно передают строки из дневника С. С. Дмитриева, в 1937 г. окончившего аспирантуру на воссозданном в 1934 г. историческом факультете МГУ. Он писал, что «верховодившие» на кафедре истории СССР Н. Н. Ванаг, С. М. Дубровский и другие «красные профессора» не доверили руководство им, беспартийным аспирантом, С. В. Бахрушину. В глазах воинствующих марксистов такой ученый был «бес-

⁷ Попов И. П. Историческая обусловленность постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. и главные шаги партии и правительства по его реализации в довоенное время // Развитие исторического образования в СССР. Воронеж, 1986; Нечкина М. В. Вопрос о М. Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (к источниковедческой стороне темы) // Исторические записки. Т. 118. М., 1990; Артизов А. Н. В угоду взглядам вождя (конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР) // Кентавр. 1991. № 4; Его же. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7; Дубровский А. М. А. А. Жданов в работе над школьным учебником истории // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX веков. Брянск, 1996; Он же. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005, и др.

⁴ Цит. по: Михальченко С. И. Школы в исторической науке. С. 195–196.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Там же. С. 197.

партийным спецом, кадетом в душе, как они его почти вполголоса и именовали»⁸.

Административное ограничение количества потенциальных учеников у историков дореволюционной формации было одной стороной дела. Созданию научной школы еще более мешало разномыслие учителя и специализировавшейся у него молодежи.

В подтверждение данного тезиса проанализируем несколько фактов из переписки историков Б. А. Романова и Е. Н. Кушевой. В марте – апреле 1953 г. они обсуждали положение дел в Институте истории АН СССР и его Ленинградском отделении, подвергшихся резкой критике на XIX съезде КПСС в октябре 1952 г. В целях проверки деятельности научных коллективов были созданы две комиссии — по линии Академии наук и по линии Секретариата ЦК партии⁹. Институту истории АН СССР и его директору Б. Д. Грекову были поставлены в вину уход от актуальных вопросов истории, невнимание к ее советскому периоду, ошибки в кадровой политике и засорение Института «политически сомнительными» людьми и пр. Под тяжестью этих обвинений Греков в начале 1953 г. тяжело заболел и был полностью устранен от дел¹⁰.

Респонденты, обсуждая отдельные положения постановления Президиума АН СССР, принятого по итогам работы его комиссии на заседании 20 марта 1953 г., обменялись мнениями о «грековской школе». «В связи с болезнью Бориса Дмитриевича я только теперь заметил, что у него нет учеников»¹¹, — написал Б. А. Романов в своем письме 22 марта 1953 г. В ответном письме 5 апреля 1953 г. Е. Н. Кушева полностью с ним согласилась: «Вы правы, что у Бориса Дмитриевича нет учеников. [В. Т.] Пашуто, наш сотрудник, был им оставлен в аспирантуре, и Б. Дм. его курировал. Но у Пашуто от Б. Дм. только общая тематика работ — по периоду Киевской Руси»¹².

Комментируя эти утверждения историков в примечаниях к их эпистолярному наследию, В. М. Панеях внес уточнение, что учениками Б. Д. Грекова считали себя В. В. Мавродин и

И. И. Смирнов¹³, а его последней аспиранткой в 1952 г. стала Н. А. Горская. Кстати, она вспоминала, что за разрешением принять научное руководство ее диссертацией директору Института, лишенному в сложившихся условиях возможности решать кадровые вопросы, пришлось обращаться к президенту Академии наук¹⁴.

Тем не менее, стоит прислушаться к мнению современников и коллег Б. Д. Грекова, относившихся к нему с огромным пиететом, но отрицавших наличие у него собственной школы. В том же письме Е. Н. Кушева сообщила своему ленинградскому коллеге о выводах, к которым пришли члены комиссии. «Между тем мне рассказывали — о чем лучше не передавать дальше, — предупреждала она Б. А. Романова, — что на заседании Президиума председатель комиссии по обследованию Института говорил, что в Институте было “засилье грековской школы”». Комментируя этот тезис, Кушева заключила: «Из этих слов ясно, насколько плохо разбирался он в существе работы Института»¹⁵.

8 апреля, продолжая начатый разговор, Б. А. Романов выказал свое понимание приведенной обвинительной формулы. «Выражение “засилье грековской школы”, думаю, надо переводить не дословно», — говорилось в его письме. Обращаясь к собеседнице, историк заметил, что «смысл в том, что Борис Дмитриевич, делая свое дело в области древности, делая его успешно, поддерживал и кадры, которые несли работу в этой сфере»¹⁶. Это заявление Романова несколько не противоречило его предыдущим словам об отсутствии у Б. Д. Грекова своей научной школы. В нем он подчеркнул роль Грекова в развитии отечественной истории России периода феодализма.

С «грековской школой» Б. А. Романов ассоциировал недогматический подход к изучению истории. Продолжая свои рассуждения о деятельности Грекова как директора Института, сторонившегося явной политизации истории, Романов писал о нем: «А что касается времен новых, то, не мешая, умывал руки и предоставлял другим (кому?) делать это дело (и оно, конечно, не клеилось)»¹⁷. Таким образом, он противопоставил всех русских доре-

⁸ Из дневников С. С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 158.

⁹ Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 177.

¹⁰ Там же. С. 178–179.

¹¹ Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / Сост. В. М. Панеях. СПб., 2010. С. 290.

¹² Там же. С. 291.

¹³ Там же.

¹⁴ Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. С. 192.

¹⁵ Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. С. 291.

¹⁶ Там же. С. 293–294.

¹⁷ Там же. С. 294.

волюционных историков, обозначив их как «школу Грекова», историкам поколения «красных профессоров», изучавшим советскую историю. В известном смысле «школа Грекова» была антиподом «школы Покровского».

По мнению Романова, именно занятая Б. Д. Грековым позиция стороннего наблюдателя вызвала недовольствие партийного руководства исторической наукой. «Это умывание рук и приводило и приводит в бешенство. И немудрено. Политика “невмешательства” не может почитаться у нас нейтральной. И вот результат!»¹⁸ – считал историк.

Б. А. Романов раскрыл свое видение сложившейся в Институте истории АН СССР ситуации, а также показал значение случившегося в нем для отечественной исторической науки в целом. «Начался новый период в судьбе Института истории, да и исторической науки»¹⁹, – подытожил он, подчеркивая «не местное, а всесоюзное»²⁰ значение начавшихся изменений.

Предвидя «болезненную зону переходного периода», Романов писал о сложности положения историков дореволюционной формации. «Трудно приходится на таких рубежах старикам, да еще с подорванным здоровьем»²¹, – сетовал он, но происходившие перемены принимал как данность. «Что мы родились не раньше и не позже, этого не переменишь»²², – философски замечал историк.

«Кончилась “эпоха Грекова” и началась новая»²³, – эти слова из письма Б. А. Романова Е. Н. Кушевой 25 апреля 1953 г. имели под собой глубокие основания. Они фиксировали окончательное установление лидирующего положения в советской исторической науке генерации «красных профессоров». К этому вели и естественный ход событий (в конце 1940-х – 1-й половине 1950-х гг. ушли из жизни историки «старой школы» С. В. Бахрушин, Н. Г. Бережков, С. К. Богоявленский, С. Б. Веселовский, Р. Ю. Виппер, Б. Д. Греков, Ю. В. Гутье, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, С. В. Юшков, А. И. Яковлев и др.), и целенаправленные усилия идеологических структур.

Существенную роль в ускорении процесса замещения дореволюционных кадров историков сы-

грала Академия общественных наук, образованная при ЦК партии в 1946 г. Она готовила кандидатов и докторов наук, в том числе в области истории советского общества. Именно с ее деятельностью Б. А. Романов связал произошедшее в начале 1953 г. изменение в расстановке сил в советской исторической науке. «Растение, которое вышло наружу сейчас на историческом огороде, – писал он Е. Н. Кушевой 25 апреля 1953 г., – завязалось несколько лет назад в виде Академии общественных наук». «К тому она и предназначалась, – был убежден историк, – чтобы сменить “старую” (советскую, однако же!) “школу”». Смерть И. В. Сталина, по мнению Романова, создала «и момент (в конъюнктурном смысле) уж очень подходящий». Одновременно он писал, что это «не первый опыт применений большого плуга»²⁴, имея в виду гонения на историков старшего поколения в ходе «Академического дела».

Начало 1950-х гг. внесло новые черты в формирование исследовательских школ в советской исторической науке. Среди них возникли такие, в которых лидером был историк «старой школы», а учениками – представители послевоенного поколения советских историков. Эта особенность характеризовала, например, школу Б. А. Романова. Его ученики (Р. Ш. Ганелин, Н. Е. Носов, Б. В. Ананьич, А. А. Фурсенко, В. М. Панеях) пришли в историческую науку в послевоенные годы. Романов писал о них и их дипломных и кандидатских сочинениях в апреле 1953 г.: «Сейчас кругом меня растут (и радуют) молодые работы»²⁵.

В условиях ликвидации Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ) в марте 1953 г. Б. А. Романов болезненно переживал необходимость расставания со своими учениками. Называя их своими «сынами», он писал: «Их отнимают от меня живьем»²⁶. Особо его волновала проблема совместимости учеников с «сомкнутым строем общественно-академистов»²⁷. Ученый отдавал себе отчет в том, что научные и жизненные приоритеты, которые он стремился передать молодежи в рамках своей школы, имели отличия от ряда представлений историков генерации «красных профессоров».

¹⁸ Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. С. 293.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 294.

²¹ Там же. С. 297.

²² Там же. С. 293–294.

²³ Там же. С. 297.

²⁴ Там же. С. 296.

²⁵ Там же. С. 297.

²⁶ Там же. С. 298.

²⁷ Там же.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. все более менялось и само сообщество советских историков. Шаткий баланс сил двух первых поколений советских историков, выявившийся в ходе Совещания историков в ЦК ВКП(б) летом 1944 г.²⁸, перестал существовать.

Активизировавшуюся после смерти И. В. Сталина перестройку советской исторической науки проводили историки генерации «красных профессоров». В Институте истории АН СССР таким историком стал А. Л. Сидоров, фактически сменивший Б. Д. Грекова на посту директора Института истории АН СССР уже в начале 1953 г., и назначенная в мае того же года главным редактором журнала «Вопросы истории» А. М. Панкратова.

Во главу угла была поставлена борьба с догматизмом и начетничеством в исторических исследованиях, а также усиление внимания к современной, в первую очередь советской, тематике, к проблемам историографии. Передовая статья в «Вопросах истории» «О некоторых важнейших задачах советских историков» (1953, № 6) и директивная статья А. М. Панкратовой «Насущные вопросы советской исторической науки» в журнале «Коммунист» (1953, № 6) знакомили советских историков с новыми приоритетами в изучении истории.

В этот период времени вокруг А. Л. Сидорова сформировалась группа молодых историков, которая начала складываться еще в первые послевоенные годы. В нее входили А. Я. Аврех, А. М. Анфилов, В. И. Бовыкин, П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, И. Д. Ковальченко, К. Н. Тарновский, К. Ф. Шаццло и др. Работавшие под его руководством историки были связаны общностью исследовательских подходов и проблематикой, что давало основания говорить о созданной им научной школе.

Объединивший в ее рамках столько талантливых и разноплановых исследователей, сам А. Л. Сидоров был ярким, но не лишенным противоречий представителем советских историков генерации «красной профессуры». Его особенности как ученого-исследователя в полной мере проявились в характере созданной им научной школы. В нем сочетались сознательное ограничение методологических основ изучения истории российско-империализма марксистско-ленинским идейно-

теоретическим наследием и стремление его творческого использования и принцип фундированности исследования. Обозначившаяся в годы «оттепели» в советской исторической науке тенденция, непоследовательная и не получившая завершения, к изменению статуса историка (от комментатора к исследователю), способствовала такому вектору развития сформированной А. Л. Сидоровым научной школы.

Путь А. Л. Сидорова в науку был характерен для большинства историков его поколения. Комсомольско-партийная юность, жажда новых знаний привели его в 1924 г. в Институт красной профессуры (ИКП). Освоение им марксистской концепции истории происходило в самый, пожалуй, дискуссионный период развития советской исторической науки. Увлеченность марксизмом как методологической основой исторических исследований, заложенный в 1920-х гг. творческий подход в его использовании определили основания исследовательского метода А. Л. Сидорова, который он впоследствии передавал своим ученикам.

Обучение в ИКП началось для него с историографического семинара М. Н. Покровского. На втором курсе в рамках новой проблематики этого семинара, посвященной истории революции 1917 г., А. Л. Сидоров начал разработку темы о влиянии Первой мировой войны на экономику России. Она положила начало всей дальнейшей проблематике исследований ученого – изучению промышленного и банковского капитала, характера российского империализма и предпосылок Октябрьской революции.

Увлечение новейшей историей России – вопросами социально-экономического развития страны на рубеже XIX–XX вв. – находилось в русле исследовательских интересов значительной части молодого поколения советских историков. Эта проблематика привлекала их не только своей актуальностью, но и новизной. Историки старшего поколения в своих исследованиях редко выходили за границы XVIII в., а рискнувшие это сделать не находили понимания у историков «старой школы». Так, например, монография Б. А. Романова «Россия в Манчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма» (Л., 1928), в которой автором было скрупулезно изучено железнодорожное строительство на Дальнем Востоке как фактор российской внешней политики, была встречена достаточно прохладно.

²⁸ Сидорова Л. А. Борьба мнений по проблеме патриотизма на Совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 г. // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв. Липецк, 2009.

Его старший коллега С. А. Жебелев говорил по поводу этой книги: «Паровозы, вагоны — какая это история»²⁹.

Подобная ситуация возникла между ним и С. Ф. Платоновым. Его реакцию на свою книгу Б. А. Романов счел обидной: «Ну вот, — цитировал он Платонова, — у Вас теперь есть толстая книга». Как и Жебелев, Платонов не проявил интереса к социально-экономической истории рубежа XIX–XX вв.: «Когда дошел до всяких банков и займов — он заскучал и бросил чтение»³⁰. Однако для молодого историка-марксиста А. Л. Сидорова исследование Романова представляло значительный интерес.

История России периода империализма увлекла А. Л. Сидорова чрезвычайно. Он включился в бурные дискуссии 1929–1931 гг. между «денационализаторами» и «национализаторами». Разделяя точку зрения последних, молодой икапист, основываясь на работах В. И. Ленина, считал, что в России начала XX в. имело место складывание и развитие национальной системы монополистического капитализма. Тем самым он разошелся с М. Н. Покровским в оценке роли торгового капитала в историческом развитии России.

К началу 1950-х гг. А. Л. Сидоров стал признанным специалистом в изучении экономической истории страны в период Первой мировой войны. Он поставил вопрос о необходимости при исследовании экономического развития России разграничивать российский монополистический капитализм и экономику страны периода империализма, учитывать наличие в ней многоукладности.

Широта постановки научных задач, работа по первоисточникам, возможность применения творческого подхода в решении поставленных проблем притягивала к А. Л. Сидорову молодое поколение исследователей. Учитель и ученики были связаны профессиональным общением, в основе которого находилась объединявшая их убежденность в приоритете научной добросовестности. В. И. Бовыкин писал о своем наставнике, что его книгам суждена долгая жизнь, поскольку они написаны «только на основе проверенных фактов»³¹.

²⁹ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. СПб., 2004. С. 118.

³⁰ Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 113.

³¹ Цит. по: Памяти Валерия Ивановича Бовыкина // Отечественная история. 1999. № 2. С. 221.

По воспоминаниям еще одного историка школы А. Л. Сидорова, П. В. Волобуева, учитель требовал от своих учеников следовать исторической правде, добросовестно работать над источниками, быть самостоятельными в своих выводах. По его убеждению, основой настоящей исследовательской деятельности могла быть только работа в архивах³².

Непременным качеством настоящего исследователя А. Л. Сидоров считал трудолюбие. Его собственная исследовательская деятельность давала ученикам образец умения использовать любые возможности для научной работы. Несмотря на постоянную занятость в сфере административно-организационного управления наукой, Сидоров продолжал оставаться действующим ученым. Притяжение, которое оказывала на него историческая наука, побуждало его к непрерывному исследовательскому поиску.

Оно проявлялось даже, казалось бы, в совершенно неподходящие для научной работы моменты жизни. В своих воспоминаниях А. Л. Сидоров рассказал об одном из тяжелейших испытаний, выпавших на его долю. По окончании Института красной профессуры, как и многие другие выпускники, он вернулся к партийной работе. В середине 1930-х гг. оказался на Дальнем Востоке, был избран членом краевого комитета ВКП(б), но поздней осенью 1936 г. «был вытолкнут» из Хабаровска начавшимися репрессиями.

«Однако меня сразу после исключения из партии не посадили»³³, — начал А. Л. Сидоров рассказ о своих злоключениях. Оставив маленького сына в деревне у матери, жену в Хабаровске, он «двинулся в Москву “искать правды”»³⁴. Более полугода ожидая восстановления в партии и, по сути, решения своей судьбы, несмотря на отчаянное эмоциональное и материальное положение (ему было отказано даже в приеме на строительство метро чернорабочим), Сидоров проводил целые дни в Ленинской библиотеке. Он «читал литературу о Дальнем Востоке, русско-американской компании», дополняя «некоторый задел материала», который привез из Хабаровского архива³⁵.

³² Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 20.

³³ Сидоров А. Л. Институт Красной профессуры // Мир историка. Историографический сборник. Выпуск 1. Омск, 2005. С. 405.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 406.

В конечном итоге ситуация разрешилась для него благополучно: он был восстановлен в партии. Но направление его карьеры изменилось. Еще до получения партбилета историк В. И. Лебедев «приютил» его в Институте переподготовки учителей, в котором заведовал кафедрой. После снятия с него политических обвинений он начал работать в журнале «Историк-марксист»³⁶. Таким образом, занятия историей А. Л. Сидоров не оставлял ни на практической партийной работе, ни в период «междуделья», как он сам его назвал.

Возвращение к научной деятельности было связано с началом сотрудничества с только что созданным Институтом истории АН СССР. Сидоров выполнял «отдельные поручения и заказы». «Чуть ли не первым из них была рецензия на рукопись ленинградского историка Б. А. Романова о Русско-японской войне»³⁷, — отметил он в своих воспоминаниях.

Этот сюжет имеет большое значение для подтверждения отмеченной ранее особенности образования научных школ в советской исторической науке. Б. А. Романов и А. Л. Сидоров, несмотря на состоявшееся еще в 1-й половине 1920-х гг. личное знакомство³⁸, научный приоритет ленинградского историка в освоении общей для них обоих проблематики, не могли составить единой школы.

Немалую роль в этом сыграла, вероятно, убежденность молодых историков-марксистов в своей прерогативе на изучение русской истории XX в. «Для этого фланга, — говорил Б. А. Романов 22 февраля 1941 г. на защите своей докторской диссертации в Институте истории АН СССР, — не существовало ни моих работ, ни меня»³⁹. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что даже в период «разоблачения» школы М. Н. Покровского, А. Л. Сидоров, с конца 1920-гг. уже не разделявший полностью взглядов своего учителя, критически отнесся к представленной ему на отзыв книге Романова.

Учитывая важность данного эпизода для понимания характера взаимоотношений обоих ученых, остановимся на нем подробнее.

К написанию этой книги, начатой еще до «Академического дела» и от которой при конфискации бумаг историка во время его ареста сохранилось четыре печатных листа, Б. А. Романов при-

ступил по возвращении из ссылки в августе 1933 г. В феврале 1935 г. рукопись научно-популярной книги «Русско-японская война. 1895–1905 (политико-исторический очерк)» была сдана автором в Академию наук⁴⁰. В середине следующего года после благожелательного отзыва А. Л. Попова, рецензировавшего первую монографию Романова — «Россия в Манчжурии», руководство Института истории АН СССР предложило ему расширить книгу и придать ей научно-исследовательский характер, снабдив, в том числе, научно-справочным аппаратом.

Новый вариант монографии был подготовлен. На него и была дана внутренняя рецензия А. Л. Сидорова, о которой говорилось выше. В ней содержались обвинения «во вредной политической тенденции», в антиленинском характере отдельных оценок и следовании в целом концепции М. Н. Покровского. В случае отказа автора от коренной переработки монографии Сидоров предложил переиздать книгу Б. А. Романова «Россия в Манчжурии».

В ответ Романов написал обстоятельное объяснение, в котором подчеркнул, что рецензент, упрекавший его в «покровщине», сам не полностью преодолел влияние его школы. В конечном итоге книга была отредактирована, снабжена ссылками на работу В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». К концу 1940 г. под названием «Русско-японская война (экономика, политика, дипломатия). 1895–1905» она была сдана в издательство. Также рукопись была представлена к защите в качестве докторской диссертации.

В исследовании В. М. Панеяха, посвященном его учителю Б. А. Романову, где подробно описана история возникших между историками разногласий, присутствует ремарка: «Интересно, что столь резкая перепалка между А. Л. Сидоровым и Б. А. Романовым не только не испортила их отношений, но и не помешала их последующему сближению»⁴¹. Действительно, Сидоров стал ответственным редактором его книги, а также одним из официальных оппонентов (наряду с Е. В. Тарле и Е. М. Жуковым) на защите им докторской диссертации.

А. Л. Сидоров, принадлежа к руководству советской исторической наукой, оказывал поддержку ленинградскому коллеге. 8 апреля 1953 г.,

³⁶ Сидоров А. Л. Институт Красной профессуры. С. 407.

³⁷ Там же. С. 408.

³⁸ Панеях В. М. Ук. соч. С. 95.

³⁹ Цит. по: Там же. С. 86.

⁴⁰ Там же. С. 145–150.

⁴¹ Там же. С. 169.

в сложный для ЛОИИ период, Б. А. Романов сообщил в письме Е. Н. Кушевой, что ему «только что звонил А. Л.» В телеграфном стиле он изложил состоявшийся телефонный разговор с А. Л. Сидоровым, который в качестве уже практически директора Института истории АН СССР приехал в Ленинград: «Завтра уезжает. Вскорости приедет вновь. Сказал только, что не беспокойтесь. Завтра постараюсь повидать его в ЛОИИ. Собирать нас всех не предполагает. Текст решения, говорит, уже есть в ЛОИИ»⁴². Своим звонком Сидоров, по всей вероятности, хотел предупредить Романова о сути грядущих перемен и снять, в какой-то степени, его тревожные ожидания. Б. А. Романов, в свою очередь, с уважением относился к А. Л. Сидорову. «Ваше отношение к А. Л. знаю, Вы, верно, были огорчены его неудачей»⁴³, — комментировала Е. Н. Кушева невыборы Сидорова в члены корреспонденты АН СССР осенью 1953 г. Контакты историков сохранялись до смерти Романова в 1957 г.

Возвращаясь к истории инспирированного рецензией столкновения А. Л. Сидорова и Б. А. Романова в 1937 г., надо отметить, что в нем не могла не оставить своего следа шаткость положения только что восстановленного в партии «красного профессора», побуждавшая его быть «святей папы римского». Равно как и реакция «буржуазного профессора», не без оснований опасавшегося новых гонений, не могла быть спокойной.

Но предел гипотетически возможному научному содружеству был положен вопросом о лидерстве. Убежденность в своем безусловном праве на доминирование на «историческом фронте» была неотъемлемой чертой историков первого марксистского поколения. По отношению к Б. А. Романову А. Л. Сидоров выступал именно в роли лидера, опираясь на новые традиции советской исторической науки. Объединявшим же их началом стало присущее обоим историкам творческое отношение к профессии. В своем восприятии историков «старой школы» Сидоров, оставаясь, безусловно, приверженцем марксистского подхода к изучению истории, вышел за сковывающие рамки методологического монизма. «Кто скажет, что академики [Е. В.] Тарле, [С. Б.] Веселовский, [Д. М.] Петрушевский марксисты, а они крупней-

шие советские историки»⁴⁴, — приводит Р. Ш. Ганелин его слова на Всемирном конгрессе историков в Риме в 1955 г.

Лидером и научным авторитетом А. Л. Сидоров стал для когорты своих учеников, выступив против догматической модели исследования проблем социально-экономического развития России на рубеже XIX–XX вв. Ими было положено начало многоаспектному изучению развития российских монополий, их роли в социально-политической и экономической жизни страны.

Характерной чертой созданной А. Л. Сидоровым школы стала попытка преодоления количественного подхода в интерпретации концепции российского монополистического капитализма. Творчество его самого и его учеников отличало стремление победить «лаптеведение», как метко охарактеризовал такой метод А. Я. Аврех⁴⁵.

Разграничение особенностей монополистического капитализма в целом и экономики России в период империализма подвело А. Л. Сидорова и историков его круга к пониманию своеобразия ее экономического развития и политической надстройки, которую они определяли как «военно-феодальный империализм». Ученый полагал, что именно «военно-феодальный империализм» сдерживал развитие капитализма в России.

Обсуждение проблемы о степени подчинения государственного аппарата монополиям, естественным образом ставившее вопрос о наличии объективных предпосылок Октябрьской революции, породило в 1960–1970-х гг. бурные споры. Они выявили различные подходы среди исследователей школы А. Л. Сидорова⁴⁶. Научный потенциал развернувшихся дискуссий был существенно ограничен политическим звучанием, которое эта проблематика приобрела в силу специфики обсуждавшихся вопросов и условий времени. Прямое вмешательство идеологии в полемику ученых снижало ее потенциал для развития исторического знания. Однако такая ситуация была характерна в целом для советской исторической науки.

Передавая свой исследовательский опыт, историки старших поколений рассчитывали, что

⁴⁴ Ганелин Р. Ш. Советские историки... С. 124.

⁴⁵ Осадченко Б. А. Формирование школы А. Л. Сидорова в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX веков // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 207.

⁴⁶ См., напр.: Поликарпов В. В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996; Шепелева В. Б. Историографическая судьба «нового направления» // Мир историка. XX век. М., 2002.

⁴² Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. С. 294.

⁴³ Там же. С. 321.

их ученикам, возможно, удастся осуществить то, что оказалось невозможным для них самих. Это в полной мере относится и к школе А. Л. Сидорова. Вспоминая о встречах с наставником, П. В. Волобуев приводил часто повторявшиеся им слова: «Плох будет тот учитель, который боится, что ученики превзойдут его»⁴⁷.

Таким образом, можно с полным основанием говорить о наличии в советской исторической науке научных школ. Одним из примеров может служить школа А. Л. Сидорова. Научные судьбы историков его школы были различными. Вместе с тем, в них проявились заложенные школой традиции, главной среди которых являлась скрупулезная работа с историческим источником.

Свое влияние на складывание научных школ в советский период оказал генерационный фак-

тор. Разрыв между историками дореволюционной формации и поколением «красных профессоров» выразился в специфике формирования связей «учитель – ученик» в сообществе советских историков, что напрямую отразилось на особенностях существовавших школ. «Старая профессура» была ограничена в возможностях их создания. Историки-марксисты не могли стать их учениками, они были нацелены на подготовку своего круга последователей.

В середине XX в. появилась новая тенденция: стало укрепляться взаимодействие историков «старой школы» и молодых исследователей из числа вступающего в науку послевоенного поколения советских историков. Несмотря на особенности школ в советской исторической науке, они осуществляли важные научные функции – передачу профессионального опыта и сохранение историографической традиции.

⁴⁷ Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы... С. 20.

Список литературы:

1. Артизов А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7.
2. Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. СПб., 2004.
3. Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.
4. Дубровский А. М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.
5. Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998.
6. Иллерицкая Н. В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография. М., 1996.
7. Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург—Омск, 2000.
8. Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М. Брянск, 1996.
9. Михальченко С. И. Школы в исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Сб. ст. и материалов. Вып. 3. Брянск, 2004.
10. Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.
11. Неретина С. С. История с методологией истории // Вопросы философии. 1990. № 9.
12. Нечкина М. В. Вопрос о М. Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (к источниковедческой стороне темы) // Исторические записки. Т. 118. М., 1990.
13. Осадченко Б. А. Формирование школы А. Л. Сидорова в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX веков // Мир историка. XX век. М., 2002.
14. Отечественная история XX века: экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание в вузе. Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Зиновьевича Дробижева. М., 2004.
15. Памяти Валерия Ивановича Бовыкина // Отечественная история. 1999. № 2.
16. Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.
17. Погодин С. Н. «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997.
18. Поликарпов В. В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996.
19. Сидорова Л. А. Борьба мнений по проблеме патриотизма на Совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 г. // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв. Липецк, 2009.
20. Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990.

21. Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003.
22. Шикло А. Е. И. Д. Ковальченко -- ученый, педагог, организатор, человек // История и историки: историографический вестник. 2006. М., 2007.
23. Markwick R. D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Palgrave, 2001.

Bibliography:

1. Artizov A. N. Sud'by istorikov shkoly M. N. Pokrovskogo (seredina 1930-kh godov) // Voprosy istorii. 1994. № 7.
2. Ganelin R. Sh. Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdu soboy. SPb., 2004.
3. Gorskaya N. A. Boris Dmitrievich Grekov. M., 1999.
4. Dubrovskiy A. M. Istorik i vlast'. Istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.). Bryansk, 2005.
5. Illeritskaya N. V. Istoriko-yuridicheskoe napravlenie v russkoy istoriografii vtoroy poloviny XIX veka. M., 1998.
6. Illeritskaya N. V. Stanovlenie sovetskoy istoriograficheskoy traditsii: nauka, ne obretshaya litsa // Sovetskaya istoriografiya. M., 1996.
7. Korzun V. P. Obrazy istoricheskoy nauki na rubezhe XIX–XX vv. Ekaterinburg–Omsk, 2000.
8. Mikhail'chenko S. I. Kievskaya shkola v rossiyskoy istoriografii (shkola zapadno-russkogo prava). M. Bryansk, 1996.
9. Mikhail'chenko S. I. Shkoly v istoricheskoy nauke // Otechestvennaya kul'tura i istoricheskaya mysl' XVIII–XX vekov. Sb. st. i materialov. Vyp. 3. Bryansk, 2004.
10. Myagkov G. P. Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoy nauke: opyt «russkoy istoricheskoy shkoly». Kazan', 2000.
11. Neretina S.S. Istoriya s metodologiyey istorii // Voprosy filosofii. 1990. № 9.
12. Nechkina M. V. Vopros o M. N. Pokrovskom v postanovleniyakh partii i pravitel'stva 1934–1938 gg. o prepodavanii istorii i istoricheskoy nauke (k istochnikovedcheskoy storone temy) // Istoricheskie zapiski. T. 118. M., 1990.
13. Osadchenko B. A. Formirovanie shkoly A.L.Sidorova v izuchenii sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii kontsa XIX – nachala XX vekov // Mir istorika. XX vek. M., 2002.
14. Otechestvennaya istoriya XX veka: ekonomicheskaya, politicheskaya i sotsial'naya zhizn', prepodavanie v vuze. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora Vladimira Zinov'evicha Drobi-zheva. M., 2004.
15. Pamyati Valeriya Ivanovicha Bovykina // Otechestvennaya istoriya. 1999. № 2.
16. Paneyakh V. M. Tvorchestvo i sud'ba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov. SPb., 2000.
17. Pogodin S. N. «Russkaya shkola» istorikov: N. I. Kareev, I. V. Luchitskiy, M. M. Kovalevskiy. SPb., 1997.
18. Polikarpov V. V. «Novoe napravlenie» 50–70-kh gg.: poslednyaya diskussiya sovetskikh istorikov // Sovetskaya istoriografiya. M., 1996.
19. Sidorova L. A. Bor'ba mneniy po probleme patriotizma na Soveshchanii istorikov v TsK VKP(b) 1944 g. // Rossiyskaya gosudarstvennost' v litsakh i sud'bakh ee sozidateley: IX–XXI vv. Lipetsk, 2009.
20. Chirkov S. V. Arkheografiya i shkoly v russkoy istoricheskoy nauke kontsa XIX – nachala XX vv. // Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1989 g. M., 1990.
21. Shakhanov A. N. Russkaya istoricheskaya nauka vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka. Moskovskiy i Peterburgskiy universitety. M., 2003.
22. Shiklo A. E. I. D. Koval'chenko – uchenyy, pedagog, organizator, chelovek // Istoriya i istoriki: istoriograficheskiy vestnik. 2006. M., 2007.
23. Markwick R. D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Palgrave, 2001.